

скольких видов идеального бытия, другие вовсе отрицают существование какого бы то ни было идеального бытия. Всё это даёт нам поле для рассуждения о проблеме мировоззрения как таковой. Типологии мировоззрений и базис, на которых они строятся, представляют крайний интерес, когда речь идёт о мировоззрении и о том, каким оно должно или может быть.

Литература

- 1 Скирбекк Г., Гилье Н. История философии: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений [Текст]. Изд. центр Владос, 2001.
- 2 Лосский, Н. О. Типы мировоззрений [Текст] Изд. Современные записки, 1931.

В.В. Ходыкин

ФЕНОМЕН РАЦИОНАЛЬНОСТИ: В ПОИСКАХ КРИТЕРИЕВ

(Самарский университет)

Феномен рациональности, как показывает история развития западной философии, выступает необходимым стержнем самого мировоззрения данного культурно-исторического типа. В данной связи академический дискурс относительно данного феномена и смежных ему категорий носит некий пульсирующий характер. Другими словами, интерес к данной проблематике со временем переживает периоды заметного оживления, а также и постепенного затухания. Хотя, конечно, полного безразличия к феномену рациональности пока еще не наблюдалось. Что само по себе, учитывая специфику западного академического сознания, должно восприниматься как нечто вполне естественное.

Сама по себе категория рациональности в современном академическом философском сознании продолжает оставаться достаточно противоречивой. Причем подобные настроения имели место и в предыдущих столетиях. Достаточно вспомнить суждения о кризисе традиционного рационального мышления. И под последним в широком смысле слова подразумевается критический анализ всей истории развития западной философии эпохи Просвещения. Критике подвергается и сама наука, рациональность как ключевой критерий научности.

Хорошо известный антисциентизм как одно из ведущих направлений современной академической рефлексии постепенно набирает силу уже во второй половине XIX века. При всем разнообразии проблем и подходов к ним в рамках данного направления современной отечественной и западной философии, достаточно отчетливо прослеживается фундаментальный для контекста данного исследования тезис о неверии во всемогущество человеческого разума, в наличие у него способности решить ключевые вопросы, стоящие перед обществом, в целом, и перед отдельными социальными группами и людьми, в частности.

Развитие мысли в подобном ключе находит достаточно серьезный отклик в современном академическом сознании. Формируется определенного рода

консенсус со стороны западной и отечественной мысли. В частности, Г. Г. Шпет, П.П. Гайденко, Б.И. Пружинин отсылают нас к утверждениям Э. Гуссерля. Последний, в свою очередь, в «Кризисе европейских наук» говорил о порождении кризиса современного человека, который порождается кризисом в академической рефлексии и в научных исследованиях⁸.

Бесспорность достижений философского и научного разума при этом в целом едва ли вызывает сколь-нибудь ощутимые сомнения. Феномен рациональности как важнейший критерий научности и его решающая роль во всякого рода принятии обыденных решений, действиях по их воплощению в действительность тоже серьезным образом не оспариваются. «Достижения позитивных наук неоспоримы, но вопрос о возможности метафизики включает и вопрос о возможности фактических наук, которые лишь в неразрывном единстве с философией обретают свой соотносительный смысл – истин, соотносимых с отдельными областями сущего. Если разорвать разум и сущее, то каким же образом познающий разум может определить, что есть сущее?»⁹. Проблемное поле для аналитического философского дискурса формируется внутри научного самосознания, ориентированного на положительный результат в сложившейся позитивистской традиции. А последняя активно выступала за очищение науки от так называемых химер метафизики.

Однако впечатляющие достижения современной науки все равно перестают быть неким решающим аргументом в определяющей роли рациональности в повседневном бытии человека. Далее говорится о том, что ход мышления, поведение современного человека все в большей степени определяются повседневными заботами, потребностями, влечениями, даже эмоциональными переживаниями. Таким образом, слабеет роль аналитической активности разума.

В этой связи вполне закономерной целью данного исследования обозначим попытку ответить хотя бы в общих чертах вот на какой вопрос. Что же предложила так называемая сциентистская линия в современной философии в ответ на столь серьезные критические замечания в свой адрес, в адрес науки, в адрес феномена рациональности как фундаментального критерия научности?

Важно заметить, что в конце XIX века академическим сообществом осознается в полной мере необходимость формирования четких стандартов развития фундаментальных научных исследований. Иными словами, ощутимо возрастает роль теоретической составляющей науки. В данной области академических исследований происходят уточнения, усиливается математизация. Словом, теоретическая сфера научных исследований содержательно обозначает конкретику области познаваемого. В то же самое время прослеживается ослабление наглядности и усиление абстрактности научного познания. Более очевидной также становится специализация, многоуровневая структура научных исследо-

---

⁸ Пружинин Б.И. Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии. – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 8-9.

⁹ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию (главы из книги) // Вопросы философии. – 1992. – № 7. – С. 142.

ваний. Собственно, все это и позволило далее рассматривать сферу научных исследований как один из важнейших социальных институтов.

Обозначенные обстоятельства, как показывает исследовательская практика, уже с начала XX века в развитии философии науки наметили, по крайней мере, две привлекающих внимание линии дискурсивного анализа. Интерес в данном контексте вызывает феноменологическая редукция, а также логико-лингвистический поворот в рамках аналитической философии. В литературе по данной проблеме указанные направления иногда обозначаются еще и как философия феноменов сознания и феноменов языка.

Хорошо известны попытки поиска синтеза позиций феноменологии и аналитической философии. Акцент, к примеру К.-О. Апелем, делается на общем для них проблемном поле и схожих позициях таких известных представителей данных направлений, как Э. Гуссерль и Г. Фреге. Показателен факт начала формирования философских исследований данных авторов как отчасти альтернативных друг другу. Речь идет об известной достаточно критической рецензии Г. Фреге на работу Э. Гуссерля «Философия арифметики». Довольно распространенной следует считать точку зрения, согласно которой, рецензия Фреге послужила ключевым импульсом к трансформации интенциональности сознания Гуссерля от психолоизма в направлении оформления ключевых постулатов феноменологии¹⁰.

Т. Кун в качестве констатации объединяющих заслуг обоих мыслителей акцентирует внимание на том, что обращение к «атомарным фактам» и «протокольным положениям» заметно ослабило потенциал эмпирического уровня во внешней оценке знания со стороны объекта. Другими словами, знание стало приобретать статус некоей произвольной конструкции, сформированной в сознании субъекта посредством рефлексии разума¹¹. Вместе с тем попытки установления серьезного диалога на концептуальном уровне между наследием двух столь влиятельных направлений в философии науки пока не приводят к эпистемологически заметным результатам.

Вместе с тем в силу того, что позитивистская рефлексия мало замечала значимость культурно-исторического смысла для развития науки, поначалу внимание пытались акцентировать на элементарном чувственном опыте, обеспечивающем первичную информацию об исследуемой действительности. Так, в предисловии к «Логико-философскому трактату» Л. Витгенштейна Б. Рассел говорит: «Мир состоит из фактов: ..., но мы можем объяснить, что мы имеем в виду, сказав, что факты суть то, что делает предложения истинными или ложными»¹². В результате независимость фактов распространяется на значения истинности. Таким образом, устанавливается на регулярной основе терминология научных теорий.

---

¹⁰ Фреге Г. Основоположения арифметики: Логико-математические исследования о понятии числа / вступ. ст. и пер. В.А. Суровцева. Гомск: Водолей, 2000. – С. 29.

¹¹ Кун Т. Структура научных революций. – М.: АСТ, 2001. – С. 170.

¹² Рассел Б. Введение // Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. – М.: Три квадрата, 2008. – С. 17.

Развитие данной мысли в контексте анализа качественно-чувственной сущности элементов, формирующих знание на теоретическом уровне, можно обнаружить у другого представителя аналитической философии эпохи неопозитивизма Р. Карнапа. По его мнению, академические инструментальные наблюдения можно рассматривать как визуальные. А предикаты подобных наблюдений в качестве функций пространственно-временных точек являются необходимой базой аргументов аналитического языка. Подобного рода редукция основывается на правильности понимания законов мироздания во всей их структурной сложности¹³.

Словом, логико-лингвистический поворот в неопозитивизме постулирует необходимость эксплицируемости условий определения эмпирических значений соответствующей терминологии внутри научных теорий. То же самое касается и логической эксплицируемости соответствующих качественных оснований получаемого знания. Далее У. ван О. Куайн берет курс на пересмотр данной слишком замкнутой, по его мнению, теоретической системы. Это уже в рамках постпозитивизма Куайн к середине XX века переносит интенциональность сознания философов аналитического направления в проблемное поле формирования логического синтеза языка и смыслов в науке. В данном контексте стала очевидной нехватка средств логико-лингвистического инструментария. Поэтому пришлось вновь обращаться к специфической методологии из психологии¹⁴.

Основу феноменологических изысканий в области критериев научности (т.е. преимущественно составляющих феномена рациональности), в свою очередь, составляет интенциональное, т.е. направленное на предмет сознание исследователя. Феноменология постулирует неразрывность и одновременно взаимную несводимость или нередуцируемость сознания и предметного мира. Сознание в данном случае отвечает за образование смысла у предметов. Устремление рефлексирующего разума на предметы есть воссоздание смыслового поля (поля значений) непосредственно между сознанием и предметами его интенциональности. В феноменологии также прослеживается стремление очистить непосредственный опыт от чувственной его составляющей. Таким образом, по замыслу Э. Гуссерля, исследовательский опыт должен быть совокупностью чистых феноменов сознания. Феномен означает явление, которое в максимальной степени демонстрирует сущность. У Гуссерля феномен постигается и созидается интуицией.

Литература

1. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. – М.: Три квадрата, 2008. – 144 с.

---

¹³ См.: Carnap R/ Testability and Meaning // Philosophy of Science/ Vol. 3. October. – 1936. – №4. – P. 469-471.

¹⁴ См.: Куайн У.В.О. [Слово и объект](#). – М.: Праксис; Логос, 2000. – С. 86-88 с.

2. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию (главы из книги) // Вопросы философии. – 1992. – № 7. – С. 141-144.
3. Куайн У.В.О. Слово и объект. – М.: Праксис; Логос, 2000. – 386 с.
4. Кун Т. Структура научных революций. – М.: АСТ, 2001. – 605 с.
5. Пружинин Б.И. Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии. – М.: РОССПЭН, 2009. – 423 с.
6. Фреге Г. Основоположения арифметики: Логико-математические исследования о понятии числа / вступ. ст. и пер. В.А. Суровцева. Томск: Водолей, 2000. – 65 с.
7. Carnap R/ Testability and Meaning // Philosophy of Science/ Vol. 3. October. – 1936. – №4. – P. 469-471.